

**ПРЯМОЙ И ПЕРЕНОСНЫЙ ХАРАКТЕР МОТИВАЦИОННОГО ПРИЗНАКА
В СЕМАНТИКЕ АНАТОМИЧЕСКОГО ТЕРМИНА
DIRECT AND FIGURATIVE NATURE OF A MOTIVATIONAL ATTRIBUTE
IN THE SEMANTICS OF ANATOMICAL TERM**

Аннотация: Анализируется семантика и структура русских, белорусских и латинских терминов. Обращается внимание на прямой и переносный характер мотивационного признака в семантике терминов трех языков; рассматривается значимость характера мотивационного признака для развития терминологического значения. Анализируется роль внутренней формы в установлении характера и степени мотивированности анатомических терминов. Отмечаются случаи совпадения и несовпадения мотивационных признаков анатомических терминов трех терминологических систем.

Abstract: The semantic and structure of Russian, Byelorussian and Latin terms are been analyzed. The article also focuses on the direct and figurative nature of a motivational attribute in the semantics of terms in the three languages. The relevance of the motivational attribute nature for the development of the terminological meaning is examined. The role of the internal form in establishing the nature and degree of validity of anatomical are being analyzed. The instances of concordance and discordance terminological of motivational attributes of anatomical terms in the three terminological systems are recorded.

Ключевые слова: анатомическая терминология, семантика, внутренняя форма, мотивационный признак, мотивированные/немотивированные термины, прямой перевод, русский, белорусский, латинский, структура.

Keywords: anatomical terminology, semantics, anatomic position, internal form, motivational attribute, motivated/motivated terms, direct translation, Russian, Byelorussian, Latin, structure.

Современные тенденции лингвистики и терминоведения направлены на комплексное описание процессов, происходящих в мотивологическом поле терминологических номинаций. Комплексное описание и изучение терминологических систем разных языков позволяет выявить общие и особенные черты формирования, развития и функционирования языковых единиц, оценить их значимость для развития специального языка и той области знаний, которую он обслуживает.

Изучение механизмов мотивации и фразеологизации является важным фактором как для языка в целом, так и для понимания процессов терминообразования.

Для выяснения механизма формирования нового значения на основе употребительного и выявления закономерностей семантических изменений слова в процессе терминологизации были проанализированы изменения, происходящие в семантической структуре слова, рассмотрены 11 907 анатомических терминов (русских – 3834, латинских – 3715, белорусских – 4358)¹ как единицы языка, пережившие процесс терминологизации, что способствовало установлению тенденций развития терминологического значения в зависимости от прямого или переносного значения слова в общенародном языке, в связи с наличием внутренней формы слова (далее – ВФ) или ее утратой.

Важным классифицирующим параметром, определяющим мотивированность значения термина и обеспечивающим связь его содержания и его формы, является прямой или

---

¹Источники терминов, привлеченных для исследования: «Международная анатомическая терминологии (с официальным списком русских эквивалентов)» [2003]; «Nomina anatomica» [Беларуская навуковая терміналогія, вып. 1–3, 1926–1929], «Анатомический словарь» [1998] и др.

переносный характер МП², оказавшегося семантическим центром языковой номинации анатомического объекта. Прямая мотивированность имеет место при образовании 34,9% монолексемных и 28% полилексемных русских ТЕ, а также присуща 41,6 и 21,5% белорусским ТЕ³ соответственно. В русской и белорусской анатомических терминологиях доминирует «образная» мотивированность, указывающая на метафорическое отражение тех или иных признаков анатомического объекта: посредством метафорического переноса образованы 65,1% монолексемных и 72% полилексемных русских ТЕ; образной мотивированностью характеризуются соответственно 58,4 и 78,5% белорусских ТЕ.

Наши наблюдения над количественным распределением русских и белорусских анатомических ТЕ по типам МП (по месту, форме, функции и др.) отражены в статье «К вопросу о количественном распределении терминообозначений по типам мотивационных признаков (на материале анатомической терминологии)» [Гринкевич 2013: 124 - 126].

Тип мотивированности на основе переносного характера МП широко представлен в анализируемом материале: рус. *канал* – бел. *ход*(NA⁴); *канал* (АС) – лат. *canalis* ‘труба, желоб, канава, канал’; рус. *фиброзное кольцо* – бел. *валаконісты пярэценак* (NA); *колца фібрознае* (АС) – лат. *anulus fibrosus* (*anulus* ‘колечко’; *fibrosus* ‘фиброзный, волокнистый, соединительнотканый’); рус. *обонятельный треугольник* – бел. *нюхальны трыкутнік* – лат. *trigonum olfactorium* (*trigonum* ‘треугольник’; *olfactorium* ‘банка с благовониями’; *olfacio* ‘обонять, чувствовать запах’) и др.

Прямой характер МП прослеживается в следующих ТЕ: рус. *бедренная кость* ‘область нижней конечности’ – бел. *бядро, бядрыца, бядровая косць* (NA); *сцягно, сцегнавая косць* (АС) – лат. *femur, os femur* (*femur* ‘бедро’; ‘задняя нога’; *os* ‘кость’); рус. *язык* – бел. *язык* – лат. *lingua* ‘язык (орган)’; рус. *зев* – бел. *зеў* – лат. *faux* ‘глотка’; рус. *венула* – бел. *дробная вэна*(NA); *венула* (АС) – лат. *venula*(дими́нутив *vena* ‘вена; кровеносный сосуд’); рус. *артериола* – бел. *артэрыяка* (NA); *артэрыела* (АС) – лат. *arteriola* (дими́нутив к *arteria* ‘дыхательное горло, трахея’ (от греч. *aer* ‘воздух’ и *tereo* ‘содержать’); рус. *запирательное отверстие* – бел. *засланая дзірка* (NA); *запіральная адтуліна*(АС)– лат. *foramen obturatum* (*obturatio* ‘затыкать’); рус. *голень* – бел. *ножка, галенка* – лат. *crus*; рус. *разгибатель* – бел. *разгінальніца* – лат. *extensor* ‘растягивающий на дыбе, палач’ (от *extendo* ‘растягивать’; ‘вытягивать’) и др.

Внутренняя форма (далее – ВФ) помогает разъяснить семантику термина посредством раскрытия его мотивационного признака и установить закономерности восприятия и усвоения терминообозначений, а также характер и степень их мотивированности (см. подробнее: [Гринкевич 2011: 119-124]).

Прямой характер МП выявляется в случаях полной морфемной членимости слова или компонентов словосочетания и в случаях частичной морфемной членимости слова или компонентов словосочетания. В структуре латинского эквивалента семантическим центром языковой номинации объекта внеязыковой действительности оказывается прямой или переносный характер МП.

Рассмотрим ТЕ с прямым характером МП.

Для обозначения области нижней конечности, ограниченной сверху паховой и ягодичной складками, а снизу – горизонтальной линией, проводимой на 4–6 см выше верхнего края надколенника, в современной русской анатомической терминологии используется ТЕ *бедренная кость* (для сравнения: в XVIII в. названия бедра составляли многочленный

² МП – мотивационный признак;

³ Под терминологической единицей (ТЕ) мы понимаем каждый монолексемный или полилексемный термин, представляющий терминопле данной области знания. Внутри ТЕ различаются термины (однокорневые слова), термины-компози́ты (сложные слова) и терминологические конструкции (ТК) – двухкомпонентные и многокомпонентные термины, а также описательные конструкции.

⁴ Принятые автором аббревиатуры использованных в работе источников материала (АС – Анатомический словарь, МАТ – Международная анатомическая терминология, САР – Словарь Академии Российской, NA – Nomina anatomica (Беларуская навуковая тэрміналогія)). Полное название источников указано в списке литературы.

синонимический ряд нечленимых существительных – *бедро или стегно, бедро, лявья, ляшка*, из которых главенствующим был термин *бедро*) [Романов 2004: 9]. *Появление словосочетания бедренная кость* (с полной морфемной членимостью одного из компонентов) было обусловлено требованиями к проведению унификации однородных по значению терминов, изложенными в Положении по составлению русских эквивалентов Международной анатомической терминологии [Международная анатомическая терминология 2003: 6]. Например, если дается термин *плечевая кость*, то должны быть и термины *локтевая кость, теменная кость, тазовая кость, бедренная кость* и т.д.

В белорусской анатомической терминологии начала XX в. русской ТЕ *бедренная кость* соответствовал синонимический ряд *бядро, бядрыца, бядровая косьць*. Моноксемный термин *бядрыца* с живой ВФ⁵ словообразовательного типа конденсирует понятия ‘анатомический объект’ и ‘место’ (по аналогии с терминами *лакцявіца (лакцявая косьць), цемянніца (целянная косьць), надпятавіца (надпятавая косьць)* и др.). В дальнейшем для номинации данной анатомической структуры учеными было использовано слово общенародного белорусского языка *сцягно* ‘бедро’ (сцягно, сцягнавая косьць).

Значительное число русских и белорусских медицинских названий, принадлежащих к общеславянскому пласту, можно найти еще в древнерусских и древнебелорусских источниках. Слово *язык* с анатомическим значением содержится в «Повести временных лет» [Повесть временных лет. 2012: 8] – «*очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье*»; в «Толковой палее» [Палея толковая. 2002: 7] – «*посредѣ же оустъ есть языкъ*» и др. В статье «Объ обычаях у Славянъ при рождени дитяти до его возмужалости» славист, археолог и этограф А.А. Котляревский упоминает о том, что до принятия христианства при выборе имени существенным мог быть внешний облик новорожденного: «...въ языческую эпоху... нареченіе імени... давалось по особенностямъ наружности: Голова, Горбъ, Языкъ»⁶. В САР зафиксировано слово *язык* [Словарь Академии Российской. 1794: 12] в значении ‘орган животного’ – «*совершенно мясистая, во ртѣ у животнаго лежащая и отъ другихъ отдѣленная часть*». Лексема *язык* с анатомическим значением использовалась в различных источниках на протяжении веков и вошла в современную медицинскую терминологию русского и белорусского языков.

*К древнейшему лексическому пласту принадлежит и отглагольный дериват зев (от зевать) с угасшей⁷ ВФ, который также встречается и в литературных, и в медицинских сочинениях. САР, как и в случае с лексемой язык, фиксирует это слово в значении ‘орган животного’ – «зѣвъ 1) Пасть, челюсти (говорится относительно ко звѣрямъ)» [Словарь Академии Российской. 1772: 13]. В истории медицинской науки известен ряд языковых единиц (*жабры, гортани устие, зевы, зев*), именующих отверстие, которое соединяет полость рта с глоткой. У ТЕ *жабры, гортани устие* представлена живая ВФ эпидигматического типа. При создании термина *жабры* использовался один МП – по форме, а при создании ТЕ *гортани устие* номинация осуществлялась по двум признакам – по месту и форме.*

Немотивированных терминов в современной русской и белорусской анатомической терминологии незначительное количество. Это единичные транслитерированные заимствования, например: рус. *вена* – бел. *вэна* (NA); *вена* (AC) – лат. *vena* ‘вена;

⁵ Живая ВФ реализуется у терминов, мотивированность значения которых осознается носителями языка (*подреберье, суставная поверхность* – живая ВФ словообразовательного типа; *атлант, борозда* – живая ВФ эпидигматического типа); *отросток, сумка «гусиной лапки»* – живая ВФ смешанного типа.

⁶ См. подробнее: «Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Летописца». Кн. 1. (1873–1877 гг.) / подъ ред. В.С. Иконникова. – Киев: Въ университетской типографіи (Университета Св. Владиміра). – 1879. – 337 с.

⁷ ВФ отражает результат процесса в создания слов в конкретном языке. У заимствованных слов, если в их составе нет «интернациональных» морфем (напр., *inter-* ‘между’: рус. *интеркостальный* – лат. *intercostalis*), ВФ обычно полностью отсутствует, и такие слова являются немотивированными. Утрата ВФ происходит и в том случае, когда теряется связь со словом, послужившим основой номинации (рус. *затылок*). Следовательно, у таких терминов угасшая ВФ [Грынкевич 2011: 122].

кровеносный сосуд'; рус. артерия – бел. артэрыя– лат. *arteria* (от греч. *aer* 'воздух' и *tereo* 'содержать'). История белорусских терминов вена и артэрыя является свидетельством того, как транслитерированные заимствования с угасшей ВФ вытеснили неологизмы с живой ВФ словообразовательного типа, предложенные учеными для обозначения кровеносных сосудов. В первом выпуске «Беларускай навуковай тэрміналогіі» учеными была сделана попытка изменить название анатомических объектов вена (*сіняя жыла*) и артерия (*чырвона жыла*). Это было вызвано стремлением терминологов минимально использовать транслитерированные заимствования и привлекать слова общенародного белорусского языка или создавать на их основе термины-неологизмы. В полностью членимых терминах-композициях *сіняя жыла*, *чырвона жыла* был представлен семантический признак 'цвет', а живая ВФ словообразовательного типа проясняла номинацию анатомических объектов, однако уже во втором выпуске появились транслитерированные заимствования *вэна* и *артэрыя* [Nomina anatomica 1927:166]. И все же данный способ образования терминов (транслитерация) крайне редко использовался белорусскими учеными в начале XX в.

Для обозначения кровеносных сосудов, входящих в состав сосудистой сети, из которой берут начало вены, используется термин *венулы*; кровеносные сосуды, которыми заканчивается ветвление артерий, носят название артериолы. Русские монолексемные термины *венула* и *артериола* – транслитерированные заимствования, однако у этих терминов реализуется живая ВФ словообразовательного типа, на что указывает морфемная членимость русских терминов и их латинских эквивалентов. Живая ВФ словообразовательного типа прослеживается и в белорусских ТЕ начала XX в. (*дробная вэна*, *артэрыйка*) и конца XX в. (*венула*, *артэрыела*).

Основанием выбора терминов *вэна*, *венула*, *артэрыя*, *артэрыела* явилась ориентация носителей языка на лексическую краткость обозначения, соответствующую термину языка-источника, и универсальность применения транслитератов в международной анатомической терминологии.

Рассмотрим ТК трех языков, называющие запирающее отверстие – отверстие в тазовой кости, образованное ветвями лобковой и седалищной костей, закрытое запирающей мембраной и одноименными мышцами.

К концу XVIII в. в русской терминологии для именования данного анатомического объекта использовались языковые средства, в основе номинации которых лежат разные МП. В большинстве ТК семантические признаки были выражены описательно: *дира между лона и исхион костями*; *дира кости наддетородоудной и седалищной общая, овальная*; *дира великая кости наддетородоудной*; *овальное отверстие таза*; *овальная дира*; *округлая дира*. В ТК этого семантического ряда наиболее представленными оказываются семантические признаки 'место' и 'форма'. Сема 'размер' находит отражение в определителе *великая* (описательной конструкции *дира великая кости наддетородоудной*). В современной ТК *запирающее отверстие* с живой ВФ смешанного типа реализуются семантические признаки 'функция' и 'форма'. Согласно исследованиям Н.А. Романова, ТК *запирающее отверстие* впервые отмечена в «Руководстве описательной анатомии» под редакцией П.Ф. Лесгафта [Романов 1997: 9].

Русской ТЕ *запирающее отверстие* и белорусским словосочетаниям с живой ВФ словообразовательного типа (*засланая дзірка*, *запіральная адтуліна*) соответствует латинский эквивалент *foramen obturatum* (*obturo* 'затыкать'). Определения в составе данных ТЕ реализуют МП по функции.

Среди наиболее древнего пласта анатомической лексики отмечаются термины с угасшей ВФ, у которых произошла утрата словообразовательной членимости в процессе терминологизации русского слова, например: *голень* 'часть нижней конечности, ограниченная коленным и голеностопным суставами' (возм., от *голый*, первонач. знач. 'голая кость' в отличие от икры). При сопоставлении русских, белорусских и латинских терминов оказывается, что русским терминам с частичной морфемной членимостью соответствуют случаи частичной морфемной членимости, полной морфемной членимости

слова в белорусском и латинском языках или же белорусское и латинское соответствие нечленимо: бел. ножка, галенка– лат. *crus*(от *crus* ‘голень’; ‘комель, нижняя часть древесного ствола’).

Характер МП в терминологиях разных языков может не совпадать. Например, для обозначения мышцы, разгибающей какой-л. сустав или суставы, в русской и белорусской анатомических терминологиях используются термины *разгибатель* и *разгінальніца* с прямым значением МП и живой ВФ словообразовательного типа, а в латинском эквиваленте *extensor* прослеживается «образная» мотивированность, на что указывает лексема общенародного языка *extensor* ‘растягивающий на дыбе, палач’ (от *extendo* ‘растягивать’; ‘вытягивать’). Термины трех языков отражают семантический признак ‘функция мышцы’, однако в семантической структуре латиноязычного эквивалента центром языковой номинации анатомического объекта оказывается переносный характер МП, а русская и белорусская номинации представляют тип прямой мотивированности.

Тип «образной» мотивированности был выявлен нами у большей части анатомических ТЕ. Преимущество этого способа мотивации заключается в возможности, используя мотивационный потенциал общенародной лексики, раскрыть семантические и структурные связи слов, называющих предметы и структуры, относящиеся к разным денотативным сферам.

Перейдем к рассмотрению ТЕ с переносным характером МП. Монолексемные нечленимые термины: *канал* (ландшафтонимическая метафора), *кольцо* (артефактонимическая метафора) с живой ВФ эпидигматического типа принадлежат ряду ТЕ, применяющихся для обозначения соединений между частями органов в анатомии. Этиметафорические термины входят в состав значительного количества ТК, например: *зрительный канал, подглазничный канал, лицевой канал, канал нижней челюсти, крестцовый канал, канал носослезный, большой небный канал, резцовый канал, сонный канал; барабанное кольцо, фиброзное кольцо, пупочное кольцо, бедренное кольцо, глоточное лимфоидное кольцо, кольцо конъюнктивы, кольцо радужки (большое / малое), волокнисто-хрящевое кольцо* и др., в которых, кроме внешнего сходства, реализуются и другие МП.

Многочленному латинскому существительному *canalis* соответствуют белорусские существительные *роў, канава*. Однако в общенародном белорусском языке эти слова обозначают открытую сверху длинную и узкую яму, а в терминологическом поле анатомии *canalis* – это закрытые с четырех сторон соединения между полостями, ямками, пещерами (например, *нервный канал* ‘просвет нервной трубки’). Белорусские терминологи использовали отглагольный дериват *ход* в качестве соответствия латинскому эквиваленту *canalis*. В основе белорусского термина – прямого перевода *ход* (НА) – лежит метонимический перенос по функции, а транслитерированные переводы с усечением окончания *канал, каналец* манифестируют сходство с объектами окружающего мира.

Остановимся на ТК, в состав которых входят термины *канал* (рус. *лицевой канал, канал лицевого нерва* – бел. *ходтварнае нэрвы (Фальлепя)* (НА), *канал тваравы* (АС) – лат. *canalis nervifacialis*) и *кольцо* (рус. *фиброзное кольцо* – бел. *валаконісты пярэценак* (НА); *кольца фібрознае* (АС) – лат. *anulus fibrosus*).

В ряду ТЕ XVIII в, именующих лицевой канал (канал в пирамиде височной кости, в котором проходит лицевой нерв), были эпонимические термины⁸ *водяная Фаллопиева труба; акведукт Фаллопиев, Фаллопиев водовод*, включавшие имя итальянского анатома и ботаника Г. Фаллопия (G. Fallopius, 1523–1562) [Гринкевич 2012: 189-190]. Кроме того, для обозначения лицевого канала использовались однословные термины и термины-композиции – *водный ток, проток, привод, канал, водоток, водомет, водный провод* [Романов Н.А. 1997: 10], что позволяло отметить функцию анатомического объекта.

⁸Термины-эпонимы (*эпоним* ‘дающий имя’), произведённые от фамилий ученых, врачей или больных (*болезнь Ван Бухема, ретикулез Леттера*), составляют значительную часть нейтральных терминов медицинской лексики, особенно в клинической терминологии.

Современный термин *лицевой канал* был предложен Комиссией по разработке Русской анатомической номенклатуры (согласно требованиям по упорядочению анатомической терминологии, «все органы, тесно связанные друг с другом топографически, по возможности должны иметь сходные наименования» [Международная анатомическая терминология. 2003: 6]). Белорусскими терминологами взамен эпонимического термина *ходотварнае нэрвы (Фальлепія)* была предложена ТК *канал тваравы*, в котором вербализуются семы ‘место’; ‘форма’.

ТК *фібрознае кольца, валаконісты пярэценак* и *кольца фібрознае* являются прямыми переводами соответствующего латинского терминологического обозначения: *anulus* ‘КОЛЬЦО, ОБОДОК, КОЛЕЧКО’; *fibrosus* ‘фиброзный, волокнистый, соединительнотканый’; ГЛАВНОЕ СЛОВО РУССКОЙ ТК – заимствованная метафора; налицо мотивация по форме: слово общенародного языка *кольцо* подверглось терминологизации на базе латинского языка, ГЛАВНЫЙ КОМПОНЕНТ БЕЛОРУССКОЙ ТК – уменьшительная форма существительного *кола (кола – ‘... ўсе тое, што мае форму круга або кальца’)* [Тлумачальны слоўнік беларускай мовы 1977:13].

Часть обонятельного мозга называется *обонятельный треугольник* – бел. *нюхальны трыкутнік* – лат. *trigonum olfactorium (trigonum ‘треугольник’; olfactorium ‘банка с благоуханиями’; olfacio ‘обонять, чувствовать запах’)*. Метафоричность прослеживается в латинской ТЕ *trigonum olfactorium*, в русской анатомической терминологии происходит метафорический перенос на основе латинского эквивалента, а белорусская номинация сохраняет этот семантический перенос.

Мотивационные признаки русского и белорусского эквивалентов могут различаться (рус. *таранная кость* – бел. *надпятавіца (НА)*, *таранная косць (АС)* – лат. *talus* ‘игральная кость’). В русской метафорической ТЕ оказывается вербализована сема ‘функция’, неологизм *надпятавіца* с прямым значением МП вербализует сему ‘место’, а латинский эквивалент *talus* с переносным значением МП – сему ‘форма’ (в латинском термине родовое понятие ‘кость’ не находит вербального выражения, происходит лексико-семантическая конденсация словосочетания, а развитие терминологического значения осуществляется в результате переосмысления признака внешнего сходства с объектами реального мира). Позднее в белорусской терминологии стал использоваться термин *таранная косць (АС)* – калька русского эквивалента.

У терминов, созданных на основе метафоры, наблюдаются расхождения в семантике (рус. *свод черепа* – бел. *чарапноўека, века чэрапа (НА)*, *скляпенне чэрапа (АС)* – лат. *calvaria*; рус. *блок фаланги* – бел. *кружала палечніцы* – лат. *trochleaphalangis*).

Русские анатомы XVIII в. в качестве эквивалентов монологическому латинскому термину *calvaria* (от *calva* ‘череп, черепная коробка’) применяли синонимические обозначения с прямым (*верх, верхушка, верхняя часть головы*) и метафорическим типом мотивации (*свод черепа, черепной свод*). Термины *верх, верхушка, верхняя часть головы* передают значение ‘вверху расположенный’; главный компонент ТК *свод черепа, черепной свод* – нечленимое существительное *свод* с переносным характером МП и живой ВФ эпидигматического типа – вербализует сему ‘форма’.

Главный компонент белорусских ТК *чарапноўека, века чэрапа* также представляет собой нечленимое существительное с переносным характером МП и живой ВФ эпидигматического типа, но в основе номинации другой семантический признак – ‘функция’. Современное терминологическое обозначение *скляпенне чэрапа* – калька русской ТК.

Семантически мотивированные ТЕ актуализируют ассоциативные связи с понятиями, находящимися за пределами медицинской терминологии, что способствует лучшему усвоению терминологического обозначения.

Анализ значительной группы анатомической терминологии двух близкородственных языков позволяет (на основании степени мотивированности) выделить четыре основных типа мотивированности ТЕ в соответствии с прямым или переносным характером значения МП, оказавшегося семантическим центром языковой номинации объекта внеязыковой действительности: I – прямая мотивированность; II – образная

мотивированность; III тип, включающий нечленимые или частично членимые в морфемном отношении слова-термины – случай частичной мотивированности, которая может реализоваться в качестве прямой или образной; IV – немотивированность.

Сопоставление типов ВФ русских и белорусских анатомических ТЕ в рамках мотивационной типологии исследуемых терминологий позволяет отметить следующую особенность, которая составляет национальную специфику белорусской терминологической системы и заключается в высокой доле моноксемных мотивированных терминов, представляющих живую ВФ словообразовательного типа: 35,8% в сравнении с 18,1% русских терминов того же типа. Эта особенность белорусской терминологической системы подчеркивает заметную роль словообразования в развитии и пополнении состава современной белорусской терминологии.

Наше исследование, проведенное в сфере мотивации специальных наименований, вносит вклад в описание структурно-семантических отношений между деривационно связанными словами, нацелено на углубление знаний о терминосистеме медицины, дополнение сведений о природе терминов, изучение способов создания специальных наименований в терминосистемах разных языков, что способствует расширению опыта лексикографического описания терминологии и решению проблем упорядочения медицинской терминологии.

Список литературы:

1. Nomina anatomica Alboruthenica (Беларуская навуковая тэрміналогія) (Вып. другі) / Інстытут беларускае культуры, Мэдыч. сэкцыя; адк. рэд. Яз. Каранеўскі. – Менск: Друк. Інбелкульту, 1927. – 180 с.
2. Анатомический словарь: Русско-белорусско-латинский, белорусско-латинский, латинско-белорусский / С.П. Ярошевич, Л.Н. Бойцов, Д.В. Ковалева и др. – Минск: Дизайн ПРО, 1998. – 480 с.
3. Гринкевич, Е.И. К вопросу о количественном распределении терминообозначений по типам мотивационных признаков: На материале анатомической терминологии / Е.И. Гринкевич // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: Материалы VI Междунар. науч.-методич. конф., Минск, 16–17 мая 2013 г. / Беларус. гос. ун-т; редкол.: С.И. Лебединский и др. – Минск, 2013. – С. 124 – 126.
4. Гринкевич, Е.И. Типы русских и белорусских анатомических терминов: По соотношению плана содержания и плана выражения / Е.И. Гринкевич // Шестые Карповские научные Чтения: сборник научных статей. Вып. 6: В 2 ч. / Редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) и др. – Минск: Белор. Дом печати, 2012. – Ч. 2. – С. 187 – 191.
5. Грынкевіч, А.І. Матывацця найменняў анатамічных аб'ектаў і ўнутраная форма тэрміналагічных адзінак / А.І. Грынкевіч // Весці Нацыян. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2011. – № 3. – С. 119 – 124.
6. Международная анатомическая терминология / Под. ред. Л.Л. Колесникова. – М.: Медицина, 2003. – 424 с.
7. Палея Толковая / Федер. прогр. книгоиздания России; руковод. прогр. «Согласие» В.В. Михальский; подгот. др. рус. текста и перев. на совр. рус. яз. А. Камчанинова. – М.: Согласие, 2002. – 647 с.
8. Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. – СПб.: Вита Нова, 2012. – 512 с.: 186 ил.
9. Романов, Н.А. Русская анатомическая терминология XVIII века / Н.А. Романов, А.Б. Доросевич. – Кн. 2. – Смоленск: САУ, 2004. – 537 с.
10. Романов, Н.А. Русская анатомическая терминология XVIII века / Н.А. Романов. – Кн. 1. – Смоленск: САУ, 1997. – 333 с.
11. Словарь Академии Российской, 1789–1794: Ч. 1 - 6. – Спб.: При Императорской Академии наук, 1792. – Ч. 3: От З. до М. – 1388 стб.

12. Словарь Академии Российской, 1789–1794: Ч. 1 - 6. – Спб.: При Императорской Академии наук, 1793. – Ч. 4: От М до Р. – 1272 стб.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. / Рэдкал.: К.К. Атраховіч [і інш.]. – Мінск: Бел. сав. энцыкл., 1978. – Т. 2: Г–К / Рэд. А.Я. Гапанькоў. – 768 с.